ЯР. ВОИНОВЪ

САРКОФАГЪ ОДНОЙ ВЕСНЫ

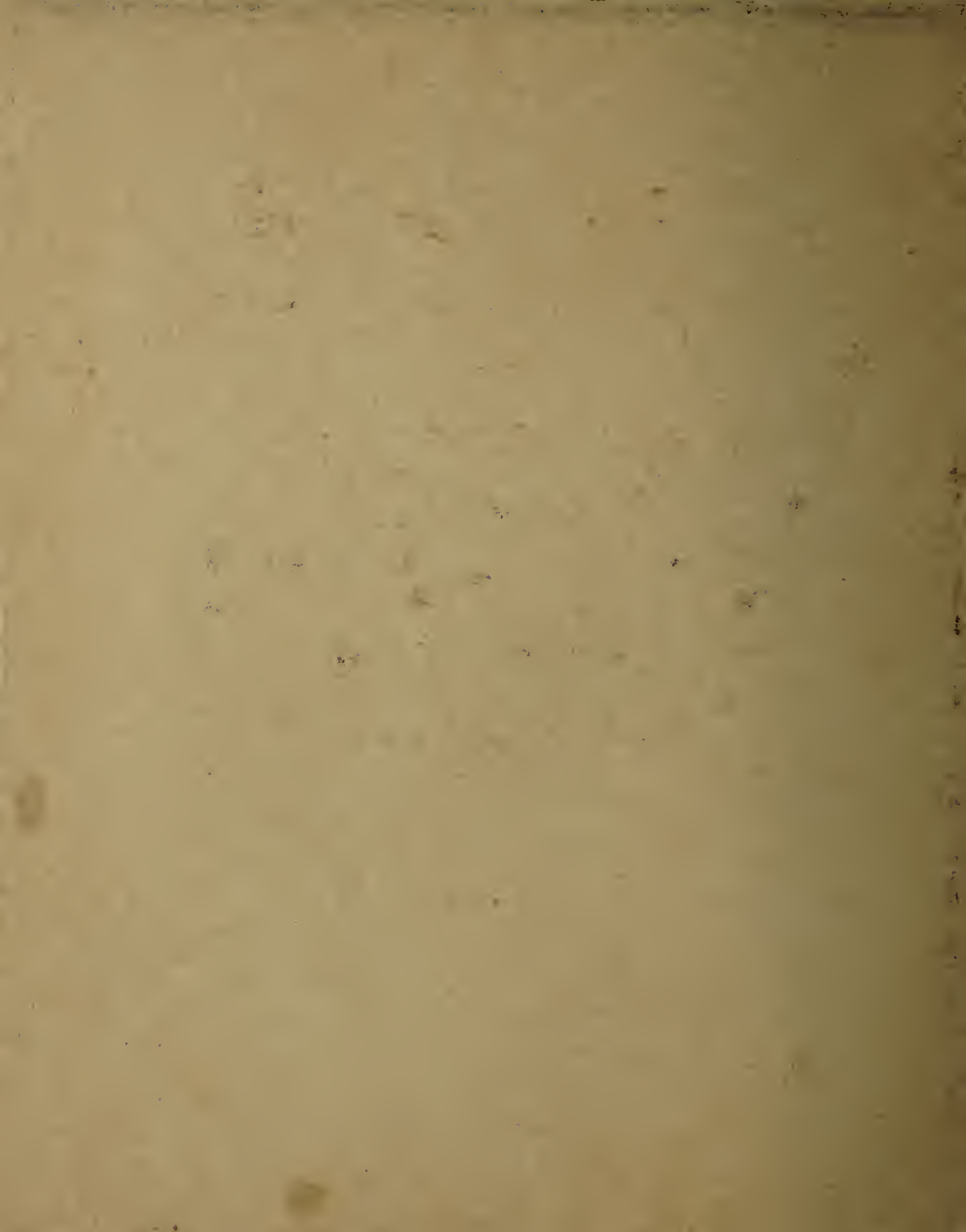

Б. К.

СТИХИ

РЕВЕЛЬ

MDCDXX

ЯРОСЛАВЪ ВОИНОВЪ

Саркофагъ Одной Весны

СТИХИ.

Творцамъ призывъ изъ урагана
Мы рано поняли и ждемъ,
Когда прольется молодымъ дождемъ
Завѣса стараго тумана.

Ревель. Весна 20 года.

МАРТЪ.

Еще не стали ночи бѣлыми,
Не блѣдно-сѣверна весна,
Еще капризными она
Идетъ шагами неумѣлыми, —
Но въ позднихъ сумеркахъ угадана
Ночей іюньскихъ синева;
Она дрожитъ едва-едва
Въ прозрачной дымкѣ, какъ изъ ладона.
Пусть въ сердцѣ много горькихъ ранъ, ни я
Не вспомню боли ихъ, ни вы, —
Такъ исцѣляюще правы
Весны идущей зовы ранніе.
Мы будемъ вмѣстѣ длить мгновенія,
Какъ солнце длитъ весною дни,
Въ прозрачныхъ сумеркахъ одни
Съ другими сливъ въ одномъ теченіи.
И радость будетъ не обманная,
И боль отнимется у ранъ.
Весна вѣдь — жизнь, исчезъ обманъ —
Зима ушедшая, туманная.

18 марта.

КОРСАРЪ.

Я въ морѣ одинокъ. Я — кормчій и матросы.
Я — лишь пловецъ, я больше не корсаръ.
Мнѣ чуждъ бортовъ сцѣпившихся ударъ,
Меня не манятъ къ битвамъ альбатросы.

Отъ каждой женщины, отъ каждой прежней страсти
Я сохранилъ на память прядь волосъ, —
Изъ нихъ сплетенъ теперь мой каждый тросъ:
Змѣино-черныя и золотыя снасти.

Мой парусъ пестръ. Въ немъ шелковыя шали,
Платки съ любимыхъ, кровью жаркихъ, плечъ,
Мантильи, складками умѣвшія зажечь
Желанье сбросить ихъ, чтобы ласкамъ не мѣшали.

Мой парусъ пестръ. Въ немъ шелкомъ сшиты встрѣчи.
Не женщинъ, а одеждъ онъ — ласковый гаремъ.
Мой парусъ сшитъ изъ тысячи поэмъ,
Въ немъ вѣтеръ говоритъ многоразличьемъ рѣчи.

Одѣта вѣтра грудь въ пестрѣющія ткани,
Холодная волна — въ одежду теплыхъ тѣлъ.
Мой парусъ гордъ. Но есть и въ немъ предѣлъ,
Моей рукой постановленный заранѣ.

Сшивая съ краемъ край, чтобъ вѣтеръ удержала
Нить каждая, сплетенная въ узоръ,
Я не посмѣлъ иглой зашить позоръ
Послѣдней страсти — рваный слѣдъ кинжала.

Свистятъ порывы вѣтра въ этой ранѣ,
И рвется ткань все шире, все сильнѣй.
Въ ней гибель всѣхъ счастливыхъ прежде дней,
Изъ-за нея я здѣсь погибну, въ океанѣ!

Возстановлено, 26 апрѣля

ЯРМО ЭРОСА.

Счастливы тѣ, душей анахореты,
Кто путь избралъ средь запыленныхъ книгъ.
Виверы, кто шутя пируетъ новый мигъ,
Любовью перемѣнчивой согрѣтый.

Одни — безбожники, отвергшіе Эроса,
Не зная радости, чужды тоски по ней.
Не ставитъ женщина имъ страшнаго вопроса,
Служителямъ иныхъ, безстрастныхъ алтарей.

Другіе, — жрицъ принявшіе за бога,
Живутъ случайностью любовной опьянясь
Тѣхъ лепестковъ, что въ цвѣтники и въ грязь
Эросомъ скомкано и брошено такъ много.

А я, чья жизнь — любви единой книга,
На пламенныхъ строкахъ на вѣкъ ее раскрылъ,
На вѣки взялъ томительное иго,
Принявъ Ярмо Эроса съ легкихъ крылъ.

30 апрѣля.

ПАРАФРАЗЪ.

„На заданную тему“.

Люблю черпать изъ фоліантовъ
Вино загадочныхъ красотъ,
Когда у медленныхъ курантовъ
Ночной еще лѣнивѣй ходъ.

Искать намеки скрытыхъ знаній,
Забытыхъ формулъ волшебства,
Читать спокойно заклинаній
Нестрашно-жуткія слова.

Не вѣря, вѣрить, что воскресла
Преданій древнихъ красота,
И вдругъ понять: за спинкой кресла
Ожила жутью пустота.

И длить свой страхъ, какъ наслажденье,
Не оглянуться, не спугнуть
Ту, что исчезнетъ отъ сомнѣнья,
Душей уловленную жуть.

Безшумный шабашъ вызванъ мною
Съ гравюрно-вычурныхъ страницъ,
И дерзки въ смѣнахъ за спиною
Гримасы сотенъ блѣдныхъ лицъ.

Вплетаетъ ночь въ мои видѣнья
Свой каждый шорохъ, каждый звукъ,
Творитъ повѣрьямъ подтвержденье,
Какъ пряжу тонкую паукъ.

Не я съ страницъ той ночи — сказки
Узоры призраковъ сотру,
Ихъ побѣдятъ собою краски
Зари, занявшейся къ утру.

Какъ ни побѣдна неба алость,
Тумановъ росныхъ синева,
Все жъ сонно шевельнется жалость,
Что мысль усталая трезва.

30 апрѣля.

ЗМѢЯ И МАГЪ.

Дрожитъ струною тѣло кобры,
Мерцаетъ сталью-чешуей.
Змѣиный взглядъ совсѣмъ чужой,
Движенья скованно-недобры
И страшны гибкой красотой.

Они свой ядъ нести готовы.
Но только сдержаны, пока
Пѣвуча звучная рѣка,
Пѣвучи жалобные зовы
Свирѣли мага-старика.

Зрачки упорные факира —
Соперники змѣиныхъ глазъ,
Агатъ и огненный алмазъ.
Въ нихъ слиты два начала міра:
Судьбѣ отпоръ — судьбы приказъ.

Вся жизнь — такая же угроза,
Съ судьбой своею въ спорѣ я,
Холодный рокъ и жизнь моя
Въ борьбѣ взаимнаго гипноза.
Кто властный магъ и кто змѣя?

8 мая.

ВѢЧНОЕ СЛОВО.

Не потерплю!
Не берите въ кавычки
Мое — люблю —
Мнѣ не страшны привычки,
Обыденныя клички
Толпы, —
Для меня богаты
Старыхъ словъ агаты,
Аметисты.
Слѣпы
Вы, новизны ригористы.

Вѣдь — люблю —
Океаны
Моему кораблю.
Какъ морскіе туманы,
Въ немъ красивы обманы
Минутъ.
Въ немъ прозрачные живы
Жемчуговъ переливы,
Перламутра;
Живутъ
Въ немъ чарованія утра.

Вновь окрылю
Перомъ стариннымъ
Мое — люблю —
Пусть не будетъ картиннымъ,
Назовутъ пусть рутиннымъ
Мой слогъ.
Для одной любимой
Старый рогъ труби мой,
Призывный
Рогъ,
Для одной отзывной!

10 мая.

ВЪ НОЧНОМЪ РЕВЕЛѢ.

Шаги повторны въ гулкихъ корридорахъ,
Въ узорахъ улицъ, узкихъ и кривыхъ;
Въ нѣмыхъ тѣснинахъ внятенъ каждый шорохъ,
Покорный отзвукъ звуку: живъ и стихъ, —
Два старика въ предсмертныхъ разговорахъ.

Желтѣютъ пряжей тусклой черепицы.
Взлетъ птицы-кровли крыльями поникъ.
И съ мигомъ мигъ сплетаясь въ вереницы,
Увражей рѣдкихъ, позабытыхъ книгъ
Листаютъ запыленныя страницы.

Затерянъ пусть я въ чуждомъ мірѣ, — знаю,
Когда къ „Олаю" вогнутый заливъ
Красивъ, что я, какъ рѣки къ морю-краю
До устья душу русла докативъ,
Подобно имъ души не потеряю.

11 мая.

РАЗГОВОРЪ.

— ..На бульварѣ липы подстрижены,
А, быть-можетъ, не липы совсѣмъ.
Ну, не липы, — акаціи. . .
Я въ такой ажитаціи:
У меня вѣдь не двѣ и не три жены.
У меня ихъ цѣлый гаремъ.

Въ raie d' chossée для меня сверкнули вы,
Въ belle-étage'ѣ другой успѣхъ,
А въ мансардахъ, повѣрите,
Мнѣ знакомы всѣ двери тѣ,
За которыми тюлевы
Занавѣски. . . и смѣхъ.

Ну не буду. Полно, похоже-ли,
Что я вѣтренъ, — второй Фоблазъ,
Почему Фоблазъ непремѣнно я?
Васъ одну я люблю, безцѣнная. . .
Улыбнитесь. . . ну вотъ и ожили
Изумруды любимыхъ глазъ."

11 мая.

КОНТРАСТЫ.

Мнѣ любы: инокинь румянецъ
И блудницъ скорбная слеза,
Въ молитвѣ страстные глаза,
Безстрастно—чистый, тихій танецъ.

Мнѣ близки: на мгновенье мука,
Сомнѣнья мигъ въ счастливомъ снѣ,
Аккордъ случайный въ тишинѣ
И пауза въ стихіи звука.

Цѣню я въ жизни лишь оправу
Съ ней расходящихся красотъ, —
Мнѣ не замѣнитъ правды ледъ
Фантазій жаркую отраву.

13 мая.

АРИФМЕТИКА.

Четъ, скажи, иль нечетъ?
Нечетъ, или четъ?
Не случайно мечетъ
Жизни банкометъ.

  Нечетъ — рокъ жестокій,
  Четъ — и жизнь права:
  Грустенъ одинокій,
  А счастливыхъ два.

Иль возьми другое, —
Правъ ли я? Смотри:
Счастье — это двое,
А измѣна — три.

13 мая.

ДАМѢ, ОЖИВЛЯЮЩЕЙ ЖЕМЧУГЪ.

Жемчуга мертваго тусклыя нити
Ласкою шеи и плечъ оживляя,
Словно безгрѣшной молитвой святая,
Тѣломъ горячимъ вы чудо творите.
　　　　Груди прибои порывисто зыбки, —
　　　　Ласковыхъ волнъ молодые приливы;
　　　　Отблески солнца не такъ прихотливы,
　　　　Какъ чарованія вашей улыбки.
Жемчугъ проснется, обласканый тѣломъ,
Волнами вздоховъ и зорями взгляда,
Будто имъ снова играетъ наяда,
Блескъ воскрешая въ зернѣ онѣмѣломъ.
　　　　Перламъ завидуя, мыслю о чудѣ:
　　　　Что если бъ старость мою съ сѣдиною
　　　　Смыло навѣкъ, побѣдило волною
　　　　Жемчугъ морской исцѣляющей груди.

13 мая.

Е. Л. В-ой.

Въ смѣхѣ дня обманы,
Въ смѣхѣ дня упреки:
Правъ ли смѣхъ? Едва-ли.
Мыслей караваны
Путь такой далекій
Отъ тебя избрали.

Слишкомъ ярки свѣты,
Слишкомъ солнце ново
Надъ моей пустыней.
Коломбина, гдѣ ты
За дверьми иного,
За дверьми уныній?

Мысли и событья
Мучатъ съ новой силой,
Съ новой злобой жаля.
Или долженъ пить я,
Пить здоровье милой
Только изъ Грааля?

14 мая.

Душа бравурнаго Ростана
Мнѣ не близка, — мнѣ все равно,
Какое искрится вино
Въ каскадѣ рифмъ его фонтана, —
Но мнѣ. . . мнѣ близокъ Сирано.

Слуга поэзіи, сынъ солнца,
Поэтъ, поэтовъ другъ и шпагъ,
Ударовъ, словъ ритмичныхъ магъ
Душей раздвоенной гасконца
Мнѣ близокъ онъ — де Бержеракъ.

И пусть я холоденъ къ Ростану,
Въ немъ видя каждое пятно,
Но я люблю и въ немъ одно, —
Тутъ отрекаться я не стану:
Panache безъ пятенъ Сирано.

14 мая.

БАЛЛАДА О ДОНЪ-ЖУАНѢ.

Надоѣли Донъ-Жуану
Страсти южной перепѣвы,
Перепѣвы южной страсти
Гдѣ вы, дни Жуана власти?
Жаждетъ онъ Маріи-Дѣвы, —
Съ ней быть новому роману!

Всѣ пропущены свиданья, —
Донны-Анны и Пепиты,
Всѣ Пепиты, Анны-донны
Позабыты, и влюбленный
Сганарелю онъ: „поди-ты",
Говоритъ на приставанья.

Если бъ въ небѣ баллюстрада,
Просто щелка иль калитка,
Хоть калитка или щелка, —
Онъ бъ изъ шелка бросилъ прытко
Сто ступенекъ вверхъ и толка
Ужъ добился-бъ, Силы Ада!

И, свиданья назначая
Всѣмъ иконамъ, изваяньямъ,
Изваяньямъ и иконамъ,
Стонамъ внемлетъ, причитаньямъ
Сганареля: „далеко намъ
До Властительницы Рая“.

Всѣ мужья позоръ простили
Донъ-Жуану съ Сганарелемъ,
Сганарелю съ Донъ-Жуаномъ.
По недѣлямъ въ кругѣ пьяномъ
Ихъ не видно менестрелямъ.
Образумился онъ? Или?..

Годы шли, лечили рану
Въ сердцѣ донны, въ каждомъ мужѣ,
Въ каждомъ мужѣ, въ сердцѣ донны,
Но все уже кругъ Мадонны...
Есть каплица здѣсь. Кому же?
Преподобному Жуану.

14 мая.

Черемуха опять?
Любимый запахъ лѣта?
Убрать!
Пусть снова сигарета,
Мой повседневный ядъ,
Сообщница поэта,
Назадъ
Вернетъ мнѣ сталь стилета
Для горькихъ, жгучихъ строкъ,
Для жуткаго сонета,
Клинокъ
Забытаго завѣта.

17 мая.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

У меня на Васильевскомъ — Испанія,
На Десятой линіи — Гренада.
Граммофоны! Всѣ охрипни отъ старанія!
Мнѣ сегодня слишкомъ много звуковъ надо.

Мнѣ, Кихоту въ Петербургѣ послѣднему.
Голосами охрипшихъ пьяницъ
Заливайтесь, грамофоны по Среднему!
Я — единственный въ Петербургѣ испанецъ!

Я одинъ преображу экстазами
Вашу хриплую ругань въ серенады,
Стану жить музыкальными фразами
Моей далекой, пѣвучей Гренады.

17 мая.

Г. И. Т-ву.

Страну твою прошелъ я странникомъ,
По городамъ, гдѣ жизнь — служеніе
Чужимъ богамъ въ чужой литаніи,
И былъ въ душѣ невольнымъ данникомъ
Тѣхъ культовъ, чтилъ изображеніе
Божествъ, непознанныхъ въ скитаніи.

Прошелъ страны твоей долинами,
Гдѣ винограда лозы тонкія
Таили влагу многоцвѣтную, —
И пусть не стали властелинами
Того вина мнѣ чаши звонкія,
Я осушилъ свою, отвѣтную

Ревель 20 мая.

Ты — гладь голубая
Въ оправѣ коралла, —
Я — жемчуга смѣлый ловецъ.
Ты ждешь, призывая,
Горишь, какъ Валгалла,
Сулишь полубога вѣнецъ.

Получитъ счастливый
Богатствъ миріады,
Къ жемчужнымъ глубинамъ доплывъ,
Пловецъ прихотливый,
Я жду не награды,
Иной зажигаю призывъ:

Въ задорной отвагѣ
Сапфирами брызни,
Къ полямъ потонувшимъ плыви,
Верни этой влагѣ
Жемчужину жизни,
Отвѣтную ношу любви!

21 мая.

ЧАСЪ ДАЛЕКОЙ.

Эй, муэдзинъ на минаретѣ страсти,
Въ мечети, гдѣ Коранъ — слова моей любви,
Соцвѣтьямъ всѣхъ долинъ, предгорій объяви:
Украсьте землю празднично, украсьте!

Къ моей Далекой донеси тѣ зовы
И нити словъ пѣвучихъ дотяни,
Изъ нихъ сплети шатеръ, и свѣты ихъ въ тѣни
Пусть бирюзовы будутъ, бирюзовы!

Пой муэдзинъ, соцвѣтья горъ чаруя,
Одѣть я міръ хочу въ цвѣты до дальнихъ странъ
Пока листаю свой единый Ал-Коранъ
Люблю я въ этотъ часъ, Далекую люблю я!

22 мая.

ПРЯЖА ДНЕЙ.

Быстрѣй
Вертись веретёнце,
Каждодневное солнце,
Событья прядите
Дней обычныя нити
Быстрѣй.

Не жаль
Мнѣ ничуть заранѣ
Распускаемой ткани, —
Изъ солнца и тѣней
Обыденныхъ сплетеній
Не жаль.

Я жду,
Я стою на стражѣ
Зачарованной пряжи, —
Дни бѣгите, тáя.
Будётъ нить золотая.
Той нити жду!

23 мая.

ПОЛИШИНЕЛЬ.

Васъ Арлекинъ бы вызвалъ на дуэль,
Пьерро допекъ бы ревности стихами,
Но я иначе посчитаюсь съ вами, —
Каррикатура ихъ — Полишинель,
Ихъ общій братъ по одному наряду,
Я въ вашъ бокалъ подсыплю яду.

Я въ злости строфъ себѣ не ставлю цѣль,
Меня не манитъ вертелъ острой шпаги.
Отъ шутовства и рыцарской отваги
Далекій путь избралъ Полишинель, —
Къ чему клинокъ стальной и эпиграмма?
Довольно яда миллиграмма!

24 мая.

АЗАРТЪ.

Скрипки пѣли „Good-bye Piccadilly“,
Танцевали скрипки „Très moutarde“
Приходили люди, уходили,
Мысль пьянилъ безудержный азартъ.

Хладнокровные удваивали ставки.
Зачастило: manque, impair, noir.
Кто-то далъ кому-то на булавки
Тысячъ пять и сто — на фермуаръ.

Мысль ушла, осталось лишь вниманье.
Цифръ прыжки угаданы остро,
А въ душѣ настойчиво сознанье:
Жизнь пуста, какъ круглое **Zéro.**

24 мая.

МАРКИЗѢ — КОЛОМБИНѢ.

Не ищи стариннаго наряда,
На три вѣка ты моложе взгляда
Глазъ своихъ, маркиза-коломбина.
На тебѣ ни фижмъ, ни кринолина, —
Ты безъ нихъ наряжена въ улыбки
Подъ гипнозомъ мелодичной скрипки.

Сѣрыхъ глазъ усталыя зарницы
Сквозь ажурно-четкія рѣсницы,
Какъ поклоны танца — менуэта.
Ими словно вѣеромъ задѣта
Гамма струнъ въ моемъ отвѣтномъ взорѣ
И живетъ въ случайномъ разговорѣ.

На тебѣ ни фижмъ, ни кринолина,
Но сегодня мягкость клавесина
Для маркизы ожила въ роялѣ,
Коломбинѣ скрипки зазвучали,
Какъ давно забытыя віолы,
А романсы — темпомъ фарандолы.

24 мая.

ОРЛАНЫ.

Сегодня, засыпая, какъ всегда на зарѣ,
Съ словаремъ Брокгауза и Эфрона,
Я нашелъ въ словарѣ
Слово, полное моря и звона:
        „Орланы.“
Страница 666-ая
29-таго тома. Рѣшилъ засыпая:
        Орланы,
Орлы морскіе всѣхъ прекраснѣе птицъ.
Музыка одного ихъ названья
Словно изъ небылицъ,
Не изъ словаря — изъ преданья.
        Орланы!

24 мая.

Какъ львовъ морскихъ,
Камней лоснятся спины,
Недвижимъ ихъ податливый прыжокъ
Когда бросаютъ водъ равнины
На берегъ пѣну и песокъ.

Пусть какъ они,
Какъ каменные звѣри,
Играютъ дни
Въ живую жизнь, пестрятъ,
И всѣ утраты, всѣ потери
Одѣнутъ въ радостный нарядъ.

25 мая.

ПОЭТАМЪ КОЛЬЦА.

Другимъ поэтамъ братъ,
Я радъ ихъ вдохновенью.
Творенья ихъ — отрада изъ отрадъ, —
Каменья словъ преображая въ кладъ,
Они творятъ алмазовъ звенья
И мнѣ дарятъ.

Себя другимъ отдавъ,
Уставъ храню я братства.
Злорадства въ мысляхъ встрѣчныхъ не узнавъ,
Я радъ съ творцами пиръ дѣлить забавъ,
И правъ, въ отвѣтъ даря богатство
Моихъ оправъ.

25 мая.

ARS AMANDI.

Въ деревьяхъ округлость турнюра,
Причесана въ блонды аллея,
Дорожкамъ данъ лоскъ маникюра.
Въ зрачкахъ у прудовъ атропинъ.
По глади зеленой осоки
Румянецъ цвѣтовъ, не жалѣя,
Наложенъ на пухлыя щеки,
На бархатъ садовыхъ куртинъ.

Въ закрытой отъ солнца верандѣ
Тоскливо читаетъ страницы
Науки любви, Ars amandi,
Надушеный старый аббатъ.
Намеки аббата неловки,
Скучаютъ его ученицы, —
Научитъ любовной уловкѣ
Ихъ скоро кокетливый садъ.

27 мая.

ЦАРИЦА ЛѢНИ.

Будьте черно-сини тѣни, — такъ хочу!
Я, царица знойной лѣни такъ хочу!

Не вставай ты, солнце, рано, не спѣши
Въ дней обычной перемѣнѣ, — такъ хочу.
Пусть дрожитъ узоръ тумана, и въ тиши
Прилегли мои олени, — такъ хочу.
Пусть любимый спитъ устало, не томитъ
Лаской новою колѣни, -- такъ хочу.
Пусть рабыня опахало уронитъ
И склонится на ступени, — такъ хочу.
Мнѣ одной пусть звоны даны всѣхъ минутъ,
Внятны отзвуки мгновеній — такъ хочу,
Солнце утра пусть титаны закуютъ,
Я, царица знойной лѣни такъ хочу!

28 мая.

ОДИНОЧЕСТВО.

Что у ней на душѣ въ этотъ часъ
Кромѣ моихъ догадокъ?
Былъ бы я съ нею, спросилъ бы не разъ,
У рѣсницъ спросилъ бы, у глазъ,
У ихъ знакомыхъ повадокъ.
И у рукъ спросилъ бы, у встрѣчныхъ рукъ.
Зналъ бы радость отвѣта.
А, быть-можетъ, грусть? Заколдованъ мой кругъ...
Ну а вдругъ?
Нѣтъ. Нѣтъ. Только не это!

29 мая.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Я запертъ въ веселой темницѣ,
Гдѣ небо, какъ вѣеръ павлина,
Сверкающей, радостной птицы.

Горятъ для меня, властелина,
По долгу на небѣ зарницы,
Цвѣта огневого кармина.

И вѣчно небесъ половина,
Какъ пурпуръ живой багряницы.

29 мая.

НОКТЮРНЪ.

(изъ Ж. Мореаса.)

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ. Бей, чаще бей, старикъ.
Тукъ-тукъ. Любви усопшей гробовщикъ.

Бей, гробовщикъ, бей, не вздыхай,
Теши сосну, орѣхъ строгай.
Пусть будетъ гробъ великъ, глубокъ,
Чтобъ я любовь укрыть въ немъ могъ.

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ. Бей, чаще бей, старикъ.
Тукъ-тукъ. Любви усопшей гробовщикъ.

Пусть будетъ бантъ на гробѣ алъ,
Какъ губъ кораллъ, какъ губъ кораллъ.
Пусть голубой внутри атласъ
Любимыхъ глазъ, любимыхъ глазъ.

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ. Бей, чаще бей, старикъ.
Тукъ-тукъ. Любви усопшей гробовщикъ.

Подъ пѣнье птицъ, въ вечерній часъ,
Гдѣ зеленъ вязъ, гдѣ зеленъ вязъ,
Надъ задремавшею рѣкой
Зацѣловалъ ее другой.

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ. Бей, чаще бей, старикъ.
Тукъ-тукъ. Любви усопшей гробовщикъ.

Бей, гробовщикъ, бей, не вздыхай,
Теши сосну, орѣхъ строгай.
Пусть будетъ гробъ великъ, глубокъ,
Чтобъ я любовь укрыть вь немъ могъ.

29 мая.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Araignée de nuit? araignée de soir?
Ихъ различенъ даръ:
Одного — тоска, другого — надежда,
А у неба такъ ярка сейчасъ одежда,
Такъ горитъ надъ моремъ пожаръ
Изъ-за облачной пряжи, изъ-за дальней косы..
Не взгляну на часы.
Espoire!

29 мая.

CHANSON

Изъ Метерлинка.

— А, если онъ вернется вдругъ,
Что мнѣ ему сказать?
— Скажите, что до смерти, другъ,
Васъ продолжали ждать.

— А, если послѣ прежнихъ встрѣчъ
Меня онъ могъ забыть?
— Съ нимъ, какъ сестра, ведите рѣчь, —
Страдалъ онъ, можетъ—быть. . .

— Гдѣ вы? онъ спроситъ вдругъ въ лицо, —
Отвѣтъ мой не готовъ.
— Отдайте молча вы кольцо,
Не нужно будетъ словъ.

— Его, быть-можетъ, удивитъ
Гостинной пустота?
— Отвѣтитъ свѣчъ потухшихъ видъ
И дверь, что отперта.

— Прочту въ его я взглядѣ страхъ
За вашъ послѣдній стонъ?
— Ушла съ улыбкой на устахъ. . .
Пусть онъ не плачетъ... онъ.

29 мая.

ДВА СЛОВА.

Что-то очень простое,
И все же стихи,
Какъ алоэ на рану, все же алоэ..
Стану пить вино молодое,
Переливъ въ дорогіе мѣхи

Повторю забытое слово,
Просто слово... два, —
И здорова душа, здорова,
Улыбается снова,
Ихъ заслышавъ едва.

Ихъ она мнѣ сказала...
Былъ и я любимъ.
Мало? Пусть другому ихъ мало.
Я ихъ пью изъ бокала,
Одно рифмуя съ другимъ!

29 мая.

НАДЪ ЛАКСБЕРГОМЪ.

Надъ Лаксбергомъ солнечнымъ гдѣ-то,
Одѣта въ черемуху, въ травы,
Забавы оставивъ и книги,
Вериги несноснаго будня,
Полудня веселую ласку,
Какъ сказку, искала ты въ небѣ.

Нашла-ли ты сказку, нашла-ли ?
Сказали глаза молчаливо,
Что дивное-диво весною
Тобою уловлено чутко.
Минутка, — я сказку узнаю...
Пытаю, но я не для сказки

Исчезнетъ загара румянецъ.
Какъ танецъ, за годами годы
Подъ своды уйдутъ прожитого.
Простого надъ Лаксбергомъ гдѣ-то
Ты лѣта не вспомнишь конечно,
Безпечно другое встрѣчая.

Ты — утро, но полдня дремота
Наступитъ, и кто-то любимый
Хранимой несознанно тайны
Случайный намекъ разгадаетъ, —
Его ожидаетъ та сказка.

30 мая.

ОЖИДАНІЕ.

Видишь облако высоко? покорись моей любви!
Это — крылья Птицы-Рока — покорись моей любви!

Я тебя изъ всѣхъ избрала, я тебя ночами жду
У нагорнаго потока, — покорись моей любви!
У любви огнево жало, я для губъ его найду,
Къ непокорному жестока, — покорись моей любви!
Тамъ, гдѣ камни надъ обрывомъ, зовъ единствен-
ной изъ дѣвъ
Ты услышишь издалека: покорись моей любви!
Покорись моимъ призывамъ, поспѣши на мой
припѣвъ
Къ пѣснѣ стараго востока: покорись моей любви.
Торопясь, коня измучай, караванъ свой торопи.
Я заждалась одинока, — покорись моей любви!
Набѣгаетъ легкой тучей синій отсвѣтъ по степи.
Это — крылья Птицы-Рока, — покорись моей любви!

31 мая.

31 МАЯ.

И у мая послѣдній день бываетъ,
И у мая.
Нужно только жить, имъ не внимая,
Первымъ и послѣднимъ днямъ, —
Сѣрый вѣтеръ на́ морѣ упрямъ,
Онъ безъ счета волны поднимаетъ.

Скоро будетъ не весна, а лѣто
Будетъ скоро.
Нужно только не искать укора
Днямъ весны, а ждать цвѣтенья липъ.
Сердца май влюбленный не погибъ,
И душа въ безлюбье не одѣта.

31 мая.

Сегодня у мыслей кошачьи повадки,
Въ нихъ маятникъ шага плѣненныхъ тигрицъ.
Онѣ бы и вырвались прочь изъ темницъ,
Но крѣпко желѣзо ихъ кованыхъ спицъ,
И спрятались когти въ пушистость перчатки.

Какъ женскія руки, желаній намеки,
Любовницы руки, не тихой сестры,
Лукавы, искательны, жадно-хитры, —
Въ нихъ когти кошачьи невнятно остры,
Показаны — скрыты, близки и далеки.

2 іюня.

СОКОЛЪ.

Серебро бубенцовъ на лапахъ,
Подъ парчевой шапкою взоръ.
— Птицы въ небѣ, звѣрье изъ норъ!
Вашей крови я слышу запахъ,
Вамъ готовъ въ когтяхъ приговоръ!

Взмахъ руки: Солнце. Степь. Свобода.
Опьяняетъ кругами взлетъ.
— Птицы, звѣри! Васъ взглядъ найдетъ
Я — живая стрѣла съ небосвода.
Мой царить надъ степью чередъ.

Но не тѣшусь я надъ добычей,
Не терзаю поверженыхъ ницъ, —
Впившись ловчему въ ткань рукавицъ,
Берегу горделивый обычай
Равнодушныхъ княжескихъ птицъ.

10 іюня.

ВЪ РЕСТОРАНѢ У МОРЯ.

Гулъ нелѣпый и вздорный
Міровой катастрофы
Вамъ такъ чуждъ, вы веселый,
Вы шумливо задорный, —
Вашъ языкъ разговорный –
Стихотворныя строфы.

У морского прилива
Молодого экстаза
Вы заняли безъ мѣры, —
Такъ сегодня шутлива,
Такъ хитро-прихотлива
Ваша каждая фраза.

Въ плачѣ веселы скрипки,
Въ смѣхѣ скорбные флеры
Настоящаго сняты,
Беззаботны улыбки.
Между столиковъ гибки
Кельнера, какъ жонглеры.

Пусть за фономъ зеркальнымъ,
За витро ресторана
Свѣто-тѣни заката
Гаснутъ сномъ музыкальнымъ. —
Въ перезвонѣ бокальномъ
Нѣтъ ни „поздно", ни „рано".

Это наша минута,
До конца, безъ вопроса, —
Потому мы съ другими
Такъ близки, потому-то
Даже мной для уюта
Зажжена папироса.

Вамъ „въ оранжевомъ“ справа
Улыбнуться готова.
Улыбнулась, смотрите . . .
Такъ улыбка лукава, —
Для нея вы — забава.
Улыбается снова . . .

И другая . . . я рада.
Я сейчасъ не ревнива:
Пусть бы всѣ улыбнулись.
Такъ сегодня и надо,
Чтобъ отъ вашего взгляда
Жили всплески прилива.

20 іюня.

АМУЛЕТЪ.

Назадъ ко мнѣ ты вновь вернулся, амулетъ,
Свидѣтель съ перваго влюбленнаго мгновенья
Моихъ лѣтъ радостныхъ, моихъ безумныхъ лѣтъ,
Хранитель каждаго любви прикосновенья.

Ты — зацѣлованый, заиграный браслетъ,
Гость многихъ лживыхъ рукъ, участникъ преступленья, —
Вѣдь ложно-страстныхъ мукъ хранятъ брезгливый слѣдъ
Твои, какъ блудницы, заласканныя звенья.

Но тѣмъ дороже ты. Отъ каждаго касанья
Все драгоцѣннѣе намекъ былыхъ утратъ,
Угаснувшись страстей живое оправданье.

Ты — лирика любви въ эпичности преданья.
Въ тебѣ я прошлому оправданному радъ,
Мой старый амулетъ, вернувшійся назадъ.

22 іюня.

ИВАНОВА НОЧЬ.

Въ ночь эту не было чуда. Чудо во мнѣ!
Зажглось, родилось ниоткуда чудо во мнѣ.

Сказка навѣки убита. Нѣтъ ужъ чудесъ.
Въ этомъ ни блага, ни худа. — Чудо во мнѣ!
Ваше волненье забыто, полъ-лѣтній лѣсъ
И подъ-крещенское блюдо. Чудо во мнѣ.
Вѣрь же въ невѣрье побѣднѣй. Вѣрь же въ меня!
Жизнь — какъ алмазная груда. Чудо во мнѣ.
Въ ночи, изъ вешнихъ послѣдней, въ ночи огня
Пусть такъ и не было чуда. Чудо во мнѣ.

24 іюня.

ИВАНОВЪ ДЕНЬ.

День безудержнаго бога,
День послѣдняго цвѣтенья,
Неба вешняго улыбка,
День весенняго порога,
Завязавшій звоны-звенья
Зноя, зрѣющаго зыбко.

День, цѣнимый только ради
Ночи огненнаго чуда,
Ночи любоколдованья.
Онъ въ живомъ огнѣ-нарядѣ
Весь — чаруйная причуда,
Весь — парча очарованья.

День, рожденный въ сказкѣ ночи,
День, похитившій прохладу
Ночи Огненнаго Цвѣта,
Той, что всѣхъ другихъ короче.
Уступлю лишь Лелю-Ладу,
Лишь любовной ласкѣ лѣта.

24 іюня.

ЛѢТО.

Сегодня луна стала лунной,
Соперницей смѣлой
Бѣлой ночи, уже не бѣлой,
Послѣдней сѣверно-рунной.

Стала наша любовь любовной,
Вспыхнула пляской,
Стала ласка уже не лаской,
Въ груди огнево-кровной.

Желанья стали желанны,
Смѣло жадны, —
Преграды любви — непреградны,
Экстазы высоко-курганны.

Іюнь.

САРКОФАГЪ.

Стихи — цвѣты, стихи — простыя травы,
Въ оправахъ камни, безъ оправы,
Свидѣтели всего одной весны,
Вы собраны со всѣхъ концовъ моей страны.

Съ предгорій думъ, съ вершинъ любви къ Далекой,
Съ полей печали одинокой,
Сплетеніе въ одно различныхъ сагъ,
Пусть приметъ васъ единый саркофагъ.

24 іюня

БЛИЗКАГО ДНЯ

КАРНАВАЛЪ

арлекинада въ одномъ актѣ.

Въ вино претворите кровь.

Ночь на первое января 1920 года
стараго календаря.

Сцена — площадь города неизмѣнности въ краскахъ завтрашняго дня. Вчерашній человѣкъ въ нарядѣ арлекина выходитъ впередъ, взглядомъ и словомъ будитъ чинную публику въ зрительномъ залѣ.

Арлекинъ.

У меня есть для всѣхъ открытіе,
Для себя, для міра; для васъ:
Совершили свой кругъ событія, —
Снова мой арлекиновъ часъ.
Что? Улыбка у васъ ироніи?
Вы еще не вѣрите? Нѣтъ?
Знайте: страшный вашъ міръ въ агоніи,
Жизнь вернулась на прежній слѣдъ!

(къ дамѣ въ первомъ ряду)

Посмотрите, ужъ въ васъ маркизное:
Маскараденъ безъ маски взглядъ;
Вы зовете собой назадъ,
Въ наше царство мечты капризное.

(къ молодымъ въ зрительномъ залѣ)

А у васъ, взгляните, бубенчики.
Шевельните руками, — звонъ!

(другимъ дамамъ)

А у васъ — коломбины вѣнчики...
Конченъ красный, кошмарный сонъ!

(снова молодымъ)

Отыщите себя, козлоногіе.
Сбросьте кожаный гнетъ сапогъ!
Не стыдитесь. Проснулись многіе,
Въ многихъ ожилъ веселый богъ!

Вѣдь и я былъ, какъ вы, окованый,

Вѣдь и я былъ, какъ вы, вчера.

День стучится къ намъ очарованный.

Просыпайтесь и вы! Пора!

За сценой веселый смѣхъ. Веселые близятся.

(къ дамѣ въ первомъ ряду) Ужъ зовутъ. Кто за мной? Вы смѣлая,

Вы смѣлѣе другихъ коломбинъ.

Вотъ рука вамъ. За мной!..

Дама. Хотѣла я...

Арлекинъ. Безъ смущенья! Я — вашъ арлекинъ!

Арлекинъ даетъ руку дамѣ, и однимъ прыжкомъ она оказывается рядомъ съ нимъ на сценѣ, еще смущенная, испуганная своимъ поступкомъ.

На площади появляется смѣшливая толпа. Въ ней паяцы и полишинели, рыцари и монахи, кавалеры и маркизы, ученые въ черныхъ костюмахъ и пестрые шуты. Среди нихъ два растерянныхъ человѣка въ костюмахъ вчерашняго дня.

Толпа. Нѣтъ, вы видѣли? Вотъ чудакъ: обложился программами и рѣшаетъ „вопросъ". Ха-ха...

(кто-то показываетъ вчерашнему носъ) Не хотите-ли носъ?

А другой-то? Направленье... политика... конъюнктура... захотѣлъ міръ спасти телеграммами!.. Ха ха... Изъ Америки, изъ Науэна и Лондона... Въ самомъ дѣлѣ, по Радіо... коммунисты, гомруль...

Нѣтъ, милордъ, поверните-ка, поверните руль!

Вчерашній. Подождите немного. Вѣдь я не одѣтъ. Объясните хоть, какъ, почему...

2-ой арлекинъ. Чудакъ. Передъ нами одна дорога!

Вчерашній. Я не вижу, куда идти;
Я не знаю, какая причина...

2-ой арлекинъ. Передъ вами вездѣ пути.
Въ каждой женщинѣ вамъ — коломбина!
Вы за нами пошли, — вы нашъ.

(передаетъ вчерашнему шпагу, указываетъ въ толпѣ на пажа) Если рыцарь вы: ваша шпага,
Вашъ пажъ.
За вами одна отвага.
Если вамъ веселѣй съ паяцами,
Обернитесь, — ихъ три...

(новаго почуяли паяцы) Нѣтъ, четыре... пять... восемь, — всѣ съ вами.
Кувыркайся, шути, остри!
Если хочется смѣлой ласки
Съ коломбиной вдвоемъ,
Мы поймемъ, —
Намъ не нужно указки.
Если мысли у васъ трезвы, —
Мы въ таверну,
За нами вы.

Вчерашній. Вѣрно!

Новыми стало еще двое вчерашнихъ изъ зрительнаго зала. Они оставляютъ кресла, прыжкомъ черезъ рампу присоединяются къ толпѣ веселыхъ, что входитъ въ дверь старой таверны.

Дама. Я узнала васъ теперь. По глазамъ узнала. Вы вѣдь тотъ, вчерашній?.. Не правда-ли? Только слова ваши странны и вашъ нарядъ... Вы вчера...

Арлекинъ. Неужель вамъ вчерашняго хочется? Снова слезъ и упрековъ? Снова скучныхъ анализовъ, разложенья на атомы прежней нудно-тоскливой любви, не знавшей радостныхъ красокъ? Жечь хочется тусклый огонекъ озирающагося чувства и бояться веселыхъ пожарищъ страсти? Неужели вамъ снова доступны мрачныя мысли о завтрашнемъ днѣ, и снова онъ темнымъ кажется вамъ? Вы не видите развѣ, что ваше пугающее „завтра" стало моимъ сегодняшнимъ карнавально-радостнымъ днемъ. Или вы еще съ ними, кто не дрогнулъ на мой призывъ, не сбросилъ со смѣхомъ одежду вчерашняго дня? Или вы еще подъ властью принижающаго, страшнаго времени, и наши улицы кажутся вамъ только пестрой декораціей?

(указывая на публику въ залѣ)

Смотрите, прислушайтесь!

Въ переулки удалились счастливые. Не выбросить мраморному городскому водоему, не разлить по каменнымъ ступенямъ столько веселой прозрачной воды, сколько молодой страсти разливается счастливыми и возлѣ него, и въ нишахъ старой соборной паперти, и за узорными стеклами этихъ домовъ.

Скажите теперь: вы — моя, безъ вопросовъ и колебаній, безъ упрековъ и слезъ?

Дама. (ставъ коломбиной) Ваша.

Убѣгаютъ обнявшись. Изъ таверны выносятъ столики. Садятся. Хмѣльной шумъ на площади.

Толпа. Бросимъ веселье на улицу! Бросимъ на площади смѣхъ!

Какъ радостны лица у всѣхъ!

Отвѣчай, что задумался? Вѣдь игра безъ проигрыша. Хватитъ вина у хозяина, — мы всѣ — его гости. Нечетъ, иль четъ?

Идетъ. Бросай кости.

Тебѣ платить.

Хозяинъ! Фалернскаго, бордо и бургундскаго. А вы, — веселѣе пить!

2-ой арлекинъ. Всѣ безъ дамъ, всѣ бездомные,
Кавалеры одной любви.
Веселѣе вы, скромные.
Зажигай бубенцы въ крови!
Пусть звенятъ бокалами.
Пусть звенятъ, какъ смѣхъ.
Ваши губы пусть станутъ алыми, —
Хватитъ вина для всѣхъ!

Паяцъ. Налейте вина и философу, — и онъ нашъ. Онъ сумѣлъ проглядѣть за учеными книгами вражду, убійство и кровь. Не давайте ему проглядѣть и веселаго. Это грѣхъ. Нужно жить и философамъ. Полнѣе налейте!

Кавалеръ. И монаху налейте. Подъ рясами сердце часто бьется не хуже, чѣмъ подъ рыцарскими камзолами или подъ пестрыми лохмотьями паяцовъ. Ряса — нескрываемый маскарадъ повседневности среди пиджаковъ изъ магазиновъ готоваго платья, сшитыхъ по одной мѣркѣ. Рясѣ на карнавалѣ почетное мѣсто.

2-ой арлекинъ. Ты нашъ, монахъ?

Монахъ. Я видалъ вчера на порогѣ
Кровавый слѣдъ...
Позабыли о Богѣ
Люди въ красномъ кругу побѣдъ.
(смущенно) А на днѣ бокала
Вѣдь не кровь, — вино...

Кавалеръ Такъ душа взалкала?

2-ой арлекинъ. Съ нами ты? За одно?

Монахъ. Я слыхалъ вчера въ молитвахъ
Столько страшныхъ словъ. —
Люди въ дикихъ, безумныхъ битвахъ
Позабыли любовь...
Ваши рѣчи иныя, —
Въ нихъ вѣдь только смѣхъ...

2-ой арлекинъ. Позабудь. Позади слѣпые.
Съ нами ожилъ веселый грѣхъ!
Кто въ насъ броситъ камень
Послѣ столькихъ мукъ?

Монахъ. Amen.

Паяцъ. Подливай, подливай монаху. Подливай еще! Не нуждается смѣхъ въ оправданьи, и не страшенъ ему запретъ. Онъ прорветъ всѣ плотины, веселый оставитъ слѣдъ!

Входитъ Бубновый валетъ, ведя подъ руку Червонную даму.

Червонная дама. Кто вы? Какъ будто, знакомый. Мы встрѣчались, какъ-будто?

Бубновый валетъ. Встрѣчались. Да. Мы не разъ бывали вмѣстѣ на балу, гдѣ вели игру на чужой страсти четыре

короля-ревнивца, васъ четыре дамы и четверо насъ. Я — валетъ бубновый.

Червонная дама. Почему же вы не со своей дамой?

Бубновый валетъ. Моя дама сегодня — вы.
Всѣ смѣшались масти.
Въ аломъ сердцѣ страсти
У васъ живы.
Вашъ супругъ въ постели,
Видитъ третій сонъ,
(указывая въ толпѣ на мечтательнаго валета червей) А валетъ? Вотъ онъ.
Вы бъ его хотѣли?
Бросьте, онъ въ мечтахъ.
Для него вы видѣнье.
Въ немъ всегда сомнѣнье
И нелѣпый страхъ.
Передъ нимъ завѣса, —
Ну а я — повѣса,
Я для каждой новъ,
Я готовъ...

Проходятъ.

Кавалеръ. Эй, червонный, очнись! Слыхалъ:
Спитъ ея законный, — она на балъ.

Червонный валетъ вздрагиваетъ, озирается.

2-ой арлекинъ. Да не съ тобой. Съ другимъ, мечтатель.

Паяцъ. Прóзѣвалъ, пріятель!

Пьерро. Ха-ха! И у тебя сердце ало, — весь въ сердцахъ камзолъ...

2-ой пьерро. А другой увелъ... пропало!

Червонный валетъ. Вы ошиблись, господа. Вино вамъ подсказало шутку. Въ такомъ случаѣ я не сержусь, хотя этимъ не шутятъ. Слышите, не шутятъ этимъ! Кто посмѣлъ бы сказать дурное про мою даму не въ шутку, не за веселымъ бокаломъ, что путаетъ мысли, дразнящія диктуетъ слова?

Нѣтъ на свѣтѣ дамы чище, вѣрнѣй и прекраснѣй, чѣмъ дама съ пылающимъ сердцемъ на бѣломъ щитѣ королевскаго герба. Иначе сталъ ли бы я медлить, жить одной мечтою, не смѣя коснуться и кружева на ея сердцами залитомъ платьи.

Она давно была бы моею, если бы не вѣрность королю-мужу, — черта, прекрасная въ женщинѣ, хоть и боль отъ нея у меня на сердцѣ.

Вы ошиблись: съ кѣмъ-то чужимъ прошла чужая дама.

(общій смѣхъ)

Толпа. Ха-ха!.. Скидай беретъ!
Не по тебѣ, братъ, шапка. Не по тебѣ перо!
Развѣ ты — валетъ?
Ты-пьерро...
Вѣрно! Давай ему колпакъ.
И очки.
Вотъ чудакъ!

Червонный валетъ. Оставьте шутки! Колпакъ — старо...

Кавалеръ. Ты смѣшнѣй всѣхъ другихъ пьерро!
Тѣ проспали своихъ коломбинъ, —
Такихъ много, а ты одинъ:
Прозѣвалъ, что само ползло въ руки, —
Чужую жену проспалъ...

Червонный валетъ. Я ужъ разъ сказалъ,
Прекратите мои муки!

Группа пьерро окружаетъ Червоннаго валета, срываетъ съ него беретъ, надѣваетъ колпакъ и очки, увлекая за собой въ пляску.

Пьерро. Веселѣй, веселѣй, обманутый!
Веселѣе, пьерро-валетъ!
Въ сердцѣ путь, какъ струна натянутый, —
Намъ съ тобою другого нѣтъ.
Мы смѣемся, смѣшимъ мы плясками, —
Пусть въ груди позоръ,
Пусть увлекъ коломбину ласками
Веселый воръ.

Группа пьерро увлекаетъ червоннаго валета за сцену.

Ученый. Какое странное занятіе. Они всегда такъ, эти, въ бѣломъ?

Поэтъ. Не разговариваю, пока бокалъ не полонъ. „Природа не терпитъ пустоты“, — такъ вѣдь по вашему, господинъ ученый? Хотя, я вижу, вы далеки отъ природы, роясь въ книгахъ, въ запыленныхъ томахъ. Выпьемте!

(чокается съ ученымъ) Вы о нихъ, о пьерро? Всегда такъ. Жалкіе люди, хотя намъ, поэтамъ, безъ нихъ хоть пропадай. Мы на ихъ страдательной „оріентаціи“ томами „спекулируемъ.“

Толпа. Штрафъ! Штрафъ!
А еще поэтъ. Штрафъ за вчерашнее слово!
Мы вышли изъ этихъ словъ.

Поэтъ. Признаюсь, неправъ.

Получайте, готово.

2-ой арлекинъ. Горсть монетъ? Не годится.

Не годится совсѣмъ.

Художникъ. Вамъ стихомъ расплатиться,

Сочинитель поэмъ.

Поэтъ. (вскочивъ на столъ) Мы разрушили жалкія цѣпи

Страшныхъ событій, словъ,

Насъ державшихъ, какъ въ склепѣ, —

Передъ нами лазурныя степи,

Насъ ждетъ янтарный уловъ!

Уловъ переливчатой мысли,

Изумрудно-прозрачныхъ фразъ.

Намъ судьба пригрози, улыбнись-ли,

Все равно, — жемчугами повисли,

Слились образы въ новый алмазъ.

Всѣ желанья у насъ — баллады.

Всѣ поступки — сонетъ.

Нѣтъ для чувства у насъ преграды, —

Коломбинъ улыбки — награды.

Каждый изъ насъ поэтъ!

Входятъ три коломбины. Первая изъ нихъ — та, что недавно была дамой изъ зрительнаго зала. Она уже въ яркомъ нарядѣ. Она веселѣе своихъ подругъ.

Коломбина. Улыбки?.. на это мы расточительны.

Улыбка всегда на устахъ.

2-ая коломбина. (монаху) Вы — монахъ, дѣйствительно?

Настоящій монахъ?

Монахъ. Ну, а вы, какъ хотѣли бы?

2-ая коломбина. Власяница у васъ, капюшонъ....

2-ой арлекинъ. А въ бокалъ поглядѣли бы:
Ананасный крюшонъ.
Соблазнительно!

2-ая коломбина уводитъ монаха.

3-ья коломбина. (ученому) Вы — ученый, скажите?
Вы все знаете?

Ученый. Да. Я докторъ, доцентъ...

Кавалеръ. (протягивая коломбинѣ книгу ученаго.) Подождите моментъ.
Коломбинъ распугаете.
Загляни-ка ученому въ книгу, — чѣмъ занимается?

3-ья коломбина. Развѣ такъ полагается?
Посрединѣ алхимія,
Башмачекъ на поляхъ?

3-ья коломбина уводитъ ученаго вслѣдъ за за монахомъ и подругой.

Коломбина. (остальнымъ) Не поспѣю за ними я, —
И доцентъ, и монахъ!

Толпа. И не нужно! Ужъ такой народъ эти ученые да монахи, что за ними не угонишься. Всегда норовятъ въ одиночку. То ли дѣло мы? Мы веселые и не прячемся. Мы художники, поэты, актеры, трагики и комики. Мы въ любви не скрываемся.

Оставайся съ нами, веселая!

Коломбина подсаживается къ нимъ Вбѣгаетъ ея арлекинъ, взволнованный гнѣвный.

Арлекинъ. Вы, измѣнница тутъ?

Паяцъ. Ха-ха! Помѣнялись ролями?
Говорили сами...

Арлекинъ. (ударяя паяца) Замолчи шутъ!

Паяцъ. (притворно — плаксиво) Я не буду.

Арлекинъ. Я искалъ васъ сейчасъ повсюду.
Вы исчезли межъ рукъ, какъ дымъ.
Отъ любви я блуждалъ слѣпымъ,
Васъ искалъ среди зданій.
Неужели моихъ страданій
Вы не видите прежній путь?
Хоть бы разъ вамъ въ глаза взглянуть, —
Можетъ-быть, и вы бъ догадались...

Коломбииа. Арлекинъ, арлекинъ, попались.
Вы позвали меня смѣлѣе,
Веселѣе въ ряды коломбинъ.
Арлекинъ звалъ любить безъ упрековъ,
Безъ намековъ ревнивыхъ и слезъ,
Въ мірѣ грезъ, гдѣ любовь — капризъ,
Гдѣ маркизъ такъ вѣерны руки, —
Ну а муки.... муки были бъ путемъ назадъ.

Говоря такъ, коломбина закрываетъ руками глаза арлекину, стоящему передъ ней на колѣняхъ, и цѣлуетъ сосѣда

Паяцъ. Попался, братъ!

Толпа. Веселая, съ нами! Мы всѣ, какъ одинъ, и всѣ разны. Удобнѣйшій случай совмѣстить разнообразіе съ постоянствомъ.

Вотъ мой бокалъ... И мой... И мой...

Протягиваютъ ей бокалы Коломбина пьетъ изъ каждаго.

Кавалеръ. Молодецъ, коломбина!

Коломбина. Я люблю одного арлекина,

Но онъ — во всѣхъ.

Для любви причина:

(2-му арлекину) Вашъ веселый смѣхъ.

(поэту) Ваши брови,

(кавалеру) Вашъ безпечный видъ.

(рыцарю) Ваша жажда крови,

(палладину) Вашихъ плечъ гранитъ,

(юношѣ) А у васъ — улыбка.

(старику) А у васъ — кольцо.

(художнику) Ваша талья гибка

И нервно лицо.

(снова старику) Вамъ дарю мгновенье.

(снова юношѣ) Вамъ, — быть-можетъ, часъ.

(всѣмъ) Кто хочетъ наслажденья,

За мной сейчасъ!

Убѣгаютъ. Всѣ за ней, кромѣ ея арлекина. Онъ печально сидитъ у стола. Входитъ пьяный Трефовый валетъ.

Трефовый валетъ. Валету Трефъ дорогу!... Да, шире, а то понаставили домовъ, не повернешься... Здѣсь пьютъ? Отлично. Самое подходящее для меня мѣсто.

(арлекину) Здравствуйте, друзья. И чего вы оба такъ надулись? Словно родные братья моего пріятеля, что всегда при пиковомъ интересѣ. Выпьемъ лучше....

Арлекинъ. Оставьте меня. Вы видите, я тутъ одинъ, и такъ одинокъ.... Зачѣмъ смѣяться надъ покинутымъ?

Трефовый валетъ. Одинъ? А я думалъ, васъ двое. У обоихъ такія постныя физіономіи. Вѣрно, баба надула? Не подѣлили? Пейте оба. Оно вѣрнѣе.

Хозяинъ! Три намъ бокала, хозяинъ!

Понимаю, раздвоеніе души и тѣла. Блондинка? Тогда бѣленькаго, хозяинъ. Брюнетка? Вали по темнѣе. Помогаетъ. Клинъ клиномъ. А мнѣ все равно, какое пить.

Арлекинъ. Я такъ одинокъ и непонятъ въ этомъ смѣющемся мірѣ, которому только-что радовался. Что можетъ быть страшнѣе смѣха, безудержнаго веселья, когда внутри все истерзано вопросами, измучено ревнивыми мыслями, когда каждая минута въ счастливомъ прошломъ разложена на тысячи обмановъ? Когда любовь стоитъ передъ пропастью.

Страшно въ нее заглянуть.

Трефовый валетъ.

Загляните въ хрусталь бокала,
Въ янтарь вина.
Въ немъ веселья не мало
Отъ краевъ до дна.
Есть вино, — всѣ дамы
Для меня равны,
И чужія драмы
Смѣшны.
Пей! Вино налито,
Въ немъ таетъ ледъ.
Наша карта бита, —
Наша карта бьетъ!

Арлекинъ. Не говорите про новыя карты, про выйгрышъ въ новой любви, сколько бы ни было въ ней заб-

венія. Новая любовь не для меня, не для того, кто оставилъ себя въ прошломъ, кто, едва поманивъ себя счастьемъ новаго, уже мучается, рвется къ страданію, оставленному позади.

Въ немъ я находилъ по крайней мѣрѣ красивую безысходность мученія для себя и для своей любимой. Не зная радостей, мы были все-таки близки въ сплетеніяхъ общихъ тоскливыхъ нотъ...

Я, безумецъ, первый поманилъ ее къ радости, открылъ ей широкій просторъ незадумывающагося чувства. Но я ждалъ въ ней такой любви для себя одного. Я ждалъ безконечныхъ измѣненій красокъ чувства въ насъ обоихъ.

Мы сами должны были стать арлекиномъ и коломбиной, рыцаремъ и его вѣрной дамой, пастушкомъ на лугу и пастушкой, веселымъ фавномъ и рѣзвой нимфой. Я готовъ былъ найти въ себѣ для нея тысячи возможностей. А она нашла ихъ не во мнѣ, — въ любомъ прохожемъ...

Одному мгновенье,
А другому — часъ...
Для меня — мученье
Блескъ любимыхъ глазъ.
Для меня кошмарна
Эта цѣпь измѣнъ...

Трефовый валетъ. Пей. Вино янтарно.
Въ немъ волшебный плѣнъ

Трефовая дама входитъ, лорнируя сидящихъ.

Трефовый валетъ. Привѣтъ вамъ, прекрасная дама. Вашъ пьянъ валетъ.

На меня, на меня не надо. На него лорнетъ.

Я нашелъ исцѣленье. А влюбленный нѣтъ.

На него все вниманье. Его въ кругъ побѣдъ.

Трефовая дама. (арлекину) Бѣдняжка. Вы такъ страдаете, я вижу. И я одна, и я одинока. Я знаю цѣну одинокихъ страданій, я чутка къ ихъ утонченной, изысканной красотѣ. А вы развѣ не знаете, какъ иногда много значитъ маленькое женское словцо утѣшенія? Какъ оно обновляетъ душу, особенно, если женщина изъ тѣхъ кто не переставъ нравиться.

Уводитъ арлекина, насильно взявъ его подъ руку.

Трефовый валетъ. Слѣдующій. Поступилъ въ полный ремонтъ и лакировку. Она — мастерица обновить. Который по счету у утѣшительницы? Не хватитъ трефовыхъ очковъ для счета. Хотѣла-было призанять у пиковой за ненадобностью, да старушка отговорилась: понадѣлала-молъ изъ своихъ четокъ. Кто ее знаетъ молится или тоже подсчитываетъ визиты своего надушеннаго аббата. У старушки съ нимъ удачна талія: безъ пройгрыша, хоть и по маленькой...

Паяцъ. (показываясь изъ-подъ стола) Недурная. Я подсматривалъ въ щелочку.

Мастера они втихомолочку.

Трефовый валетъ. И пролаза ты, шутъ,

Паяцъ. Гдѣ старушка съ аббатомъ, мы всегда тутъ.

Вбѣгаетъ 3-ья коломбина.

3-ья коломбина. Не видали ученаго?

Убѣжалъ. Вотъ чудакъ!

Трефовый валетъ. Такъ.

3-ья коломбина. Ужъ совсѣмъ мы поладили:
Цѣловалъ, обнималъ...

Трефовый валетъ. И пропалъ?

Выходитъ смущенный ученый.

Да, взгляните, не сзади-ли
Вашъ ученый бѣглецъ.

3-ья коломбина Наконецъ!

Ученый. Коломбина, простите.

3-ья коломбина. Мы ужъ были „на ты".

Ученый. Вашей... нѣтъ, твоей красоты
Такъ крѣпки тончайшія нити,
Такъ причудливъ узоръ...

3-ья коломбина. Не вступаю объ этомъ въ споръ.
Дальше что, говорите.

Ученый. Вашихъ... губъ твоихъ зовъ
Такъ загадочно новъ...

3-ья коломбина. Что отъ новаго вы бѣжите?

Ученый. Я съ тобою опять
(пытаясь обнять) Отъ мгновенія взять...

3-ья коломбина. **(притворно)** Пустите!

Ученый. Мы одни. Я съ тобой.

3-ья коломбина. Ахъ, оставьте. Чужой,
Смотрите.

Ученый. Отъ любви безъ ума...

3-ья коломбина. Вижу я сама.

Удаляются. Входитъ монахъ, держась за щеку.

Монахъ. Боже. Грѣхъ горитъ на ланитѣ

Трефовый валетъ. Побили, вѣрно, отецъ? Вещь не изъ пріятныхъ, конечно. Можно обойтись и безъ такого развлеченія.

Монахъ. Хуже, чѣмъ побили. Если бы щеки моей коснулась рука, ударила бы, нанесла оскорбленіе, — у меня нашелся бы достойный выходъ. По уставу нашего ордена, я подставилъ бы другую щеку. А то, женщина поцѣловала. Женщина поцѣловала!

Трефовый валетъ. Дѣйствительно, безвыходное положеніе, если раздразнила, а самой и слѣдъ простылъ. Только я не зналъ, что и поцѣлуй у васъ относится къ числу непріятностей.

Монахъ. Я теперь не знаю, какъ мнѣ искупить этотъ грѣхъ. Я готовъ теперь поклясться смирять себя, дать обѣтъ — всю жизнь не знать иного ложа, какъ тотъ самый гробъ, въ которомъ меня опустятъ въ могилу. У меня уже приготовленъ гробъ, но до сихъ поръ я не рѣшался...

Трефовый валетъ. Оно и понятно. Развлеченіе сомнительное. Не лучше ли вамъ, отецъ, примѣнить къ поцѣлую тотъ же методъ искупленія, что и къ пощечинѣ: подставить другую щеку? Логично, казалось бы?

Монахъ. (обрадованно) А, пожалуй, вы и въ самомъ дѣлѣ правы.

Трефовый валетъ. Соображаемъ.

2-ая коломбина, появившись, цѣлуетъ монаха.

2-ая коломбина. Разъ. Два. И три.

Трефовый валетъ. Придется еще разъ. Святой отецъ имѣетъ явную склонность къ симметріи. Такой ужъ у нихъ уставъ въ орденѣ.

2-ая коломбина. (цѣлуя еще разъ) Могу и четыре.
У меня уставъ:
Въ поцѣлуяхъ уставъ,
Засни.
Для меня не сонъ,
Если кровь въ униссонъ
Не бьетъ
Съ тѣмъ, кто милъ,
Кто меня истомилъ,
Любя.
Ярче грезы будь.
Кто со мной, забудь
Про вчера.
Цѣпи сна расторгъ, —
И лови восторгъ
Новыхъ ласкъ.

2-ая коломбина и монахъ уходятъ.

Трефовый валетъ. Пошли по пути искупленія. Эта, хоть кого, въ гробъ уложитъ. Да и онъ изъ понятливыхъ.

Входятъ Червонная дама и Бубновый валетъ.

Червонная дама. (испуганно) Мой мужъ!

Трефовый валетъ. Ошиблись. Рангомъ пониже, и совсѣмъ другой масти. Плохо стали разбираться въ колодѣ, королева.

Червонная дама. Мнѣ все чудится... Сейчасъ въ пляшущей толпѣ пьерро я видѣла, какъ будто, моего бѣднаго валета въ колпакѣ и очкахъ.

Трефовый валетъ. Вѣрно, взялъ на прокатъ у вашего же супруга. У нихъ съ сегодняшняго дня, я вижу, полная общность интересовъ. Партнеры по проигрышу. Но я молчу. Я въ чужія карты не заглядываю.

Червонная дама. Взглядъ былъ бы нескромный.

Бубновый валетъ. (уводя ее)

Я — сегодня вашъ,
А любовный стажъ
У меня огромный.
У меня манера
Для любой нова, —
И тому не два
И не три примѣра.
Въ страсти виртуозъ,
Я изъ дамъ, какъ розъ,
Собиралъ букеты.

Бубновый валетъ и трефовая дам уходятъ.

Трефовый валетъ.

Берегите свои береты,
Слуги старыхъ слѣпыхъ королей!
Не играть бы вамъ ихъ ролей,
Остальные валеты.

Появляется группа пьерро и червонный валетъ между ними.

Вотъ, какъ разъ одинъ, околпаченный,
Въ близорукихъ очкахъ, —
Проигралъ, видно, шлемъ, назначенный
На своихъ же червахъ.

Пьерро. Веселѣй, мы вѣдь всѣ обмануты!
Кувыркайся, кружись, пляши!
Веселѣй покорись обману ты
Искаженной смѣхомъ души!

Червонный валетъ. Оставьте меня Что за комедія? Что общаго между нами? Не смѣйте называть меня своимъ, равнять съ паяцами. Я не шутъ и шутомъ не былъ. Я полонъ любви, самой возвышенной и чистой. Въ ней нѣтъ ничего смѣшного, что роднило бы меня съ вами... Оставьте!

(увидѣвъ трефоваго валета) Это ты?

Трефовый валетъ. Я, конечно. Если не видишь трефоваго трилистника, то хоть бы по рюмкѣ догадался.

Червонный валетъ. (возмущенно) Ты посмѣлъ коснуться ея, такой хрупкой?

Трефовый валетъ. (поднимая рюмку) Онѣ всегда хрупкія. Съ такой тонкой таліей, что шестнадцатилѣтняя дѣвушка позавидуетъ. А, повозишься съ ними вечеръ, на ногахъ не устоять.

Червонный валетъ. Ты осмѣлился овладѣть ею?!

Трефовый валетъ. И не думалъ. Стану я заниматься мелкими кражами по ресторанамъ?

Червонный валетъ. Такъ это неправда? Они солгали? Она чиста по прежнему?

Трефовый валетъ. Сейчасъ будетъ по прежнему. Теперь чиста. Ни капельки не оставилъ, какъ видишь.

(выпиваетъ и опрокидываетъ рюмку) У насъ это мигомъ.

Червонный валетъ. Да ты о комъ говоришь, безумецъ?!

Трефовый валетъ. Объ этой посудинѣ.

Червонный валетъ. А я о дамѣ, о моей королевѣ съ пылающимъ сердцемъ.

Трефовый валетъ. Здорово распылалось. Огонь съ тебя на другого уже перекинулся, — ну, да онъ несгораемый, обойдется. То-то на тебѣ дурацкій колпакъ и очки.

Въ подходящей ты, братъ, компаніи.

Потуши-ка любви пожаръ ты, —
Передернулъ другой твои карты.
Далеко теперь твоя дама.
Я, хоть пьянъ, но на все смотрю прямо:
Рюмка всѣхъ надежнѣе дамъ.

Червонный валетъ. Я ее никому не отдамъ!

Трефовый валетъ. У бубноваго — козырь въ любви...

Червонный валетъ. Мое алое сердце въ крови!

Пьерро. Такъ пляши. Свое сердце разбрасывай,
Какъ мы, какъ мы.
Брызги сердца, какъ искры пламени,
И страданья нѣмы.
Веселѣй, веселѣй, обманутый!
Веселѣе, пьерро-валетъ!
Въ сердцѣ путь, какъ струна натянутый, —
Намъ другого съ тобою нѣтъ.
Проглядѣлъ всѣ глаза за дамою
Сквозь свои очки.
Знаемъ мы любовь ту же самую,
На всѣхъ — колпаки!

Утаскиваютъ червоннаго валета.

Трефовый валетъ. Околпачили... Что-то ноги не ходятъ... встать не могу. Жаль, что королева утащила утѣшать тѣхъ двухъ молодцовъ. Они бы взяли меня подъ руки...

Паяцъ. (вылѣзая изъ-подъ стола) И тебя поднимутъ. Прислушайся.

Слышишь? Шумятъ, приближаются

Въ старыхъ нарядахъ новые.

Паяцы кувыркаются...

Кринолины плывутъ лиловые...

Бубенцы звенятъ маскарадные,

Камзолы у всѣхъ нарядные,

Лица радостью свѣтятся...

Тотъ, кто въ пляскѣ случайно встрѣтится,

Вновь узнаетъ любовь на мгновеніе.

Всѣхъ зажгло одно опьяненіе...

Врывается общій хороводъ, шумный, огненный, и ведетъ его радостная Коломбина.

Коломбина. Всѣ за мной: паяцы картонные,

Доктора, монахи, влюбленные,

Музыканты, актеры съ поэтами,

Королевы-дамы съ валетами!

Всѣ за мной въ круги хороводные!

Всѣ за мной, для любви свободные!

Опрокидываетъ ногой столъ Трефоваго валета.

(трефовому валету) Я пьянѣй вина.

Пей вино до дна

Съ моихъ губъ.

Ты мнѣ любъ.

Ты новъ.

Ты изъ сновъ.

На минуту ты мой.

За мной!

Хороводъ кружится снова. Слышатся фразы мелькающихъ паръ.

3-ья коломбина. Позабыли алхимію, философію, логику?

2-ая коломбина. Что, теперь ужъ не хочется къ монастырскому гробику?

Червонная дама. Отростаютъ вѣтвями рога у червоннаго...

Трефовая дама. Вотъ у васъ ужъ и нѣту лица церемоннаго...

Оба смѣются, потому что утѣшился Арлекинъ.

Коломбина. Всѣ за мной!.. Мой валетъ, минуточку.

Паяцы, веселѣе шуточку!

Всѣ за мной въ круги хороводные.

Всѣ за мной, для любви свободные!

Я вино въ крови.

У меня въ любви

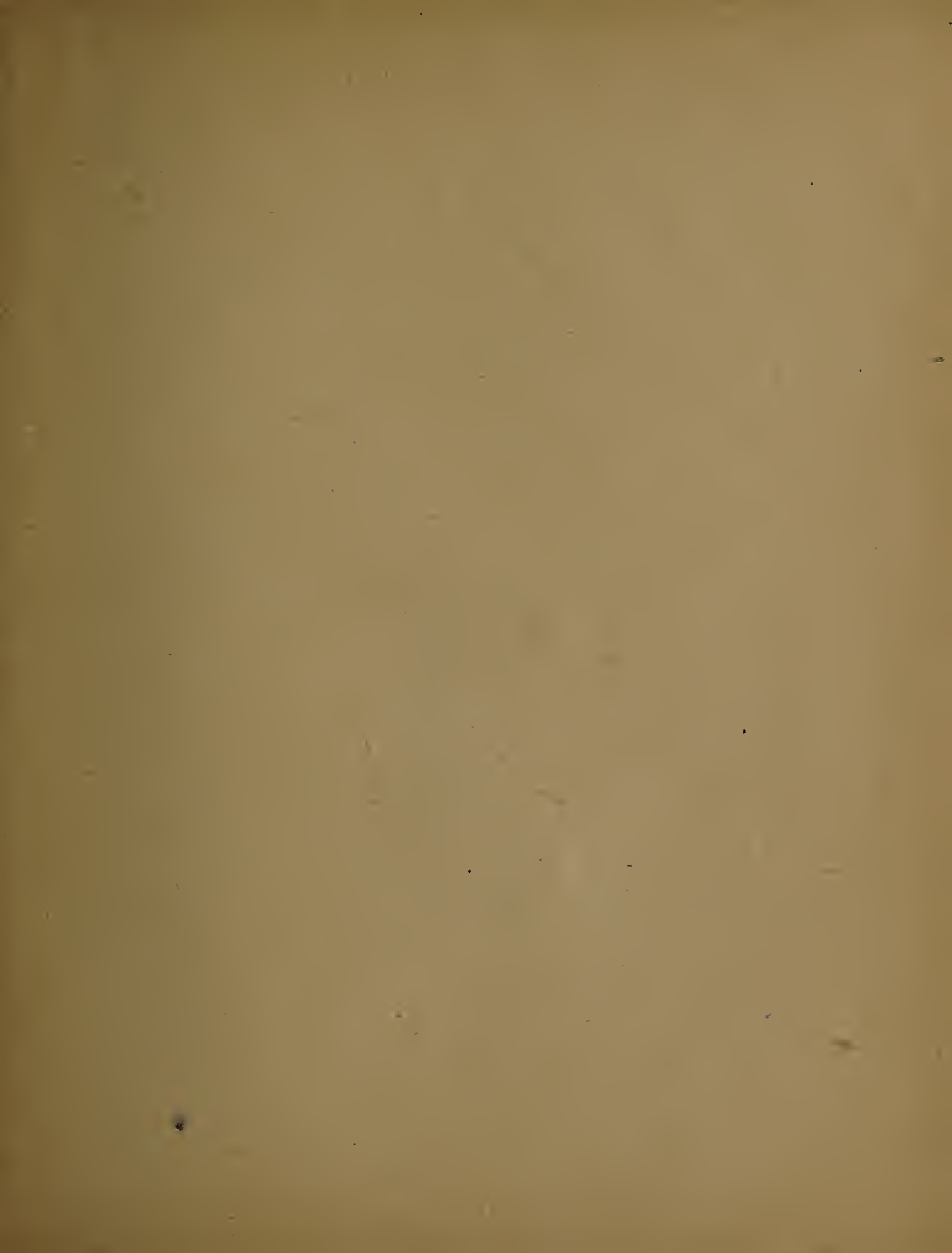
Запрещенья нѣтъ.

Каждый — мой валетъ.

Всѣ любить правы!

Увлекаетъ хороводъ въ улицы.

Паяцъ. (въ публику) **Ну, а вы?!**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЛОЖКА КНИГИ РАБОТЫ

ХУДОЖНИКА КРИММЕРА

НАПЕЧАТАНО ВЪ РЕВЕЛѢ

ВЪ НОЯБРѢ 1920 ГОДА ВЪ

КОЛИЧЕСТВѢ ШЕСТЬСОТЪ

ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ, ВЪ ТОМЪ

ЧИСЛѢ ОДИНЪ ИМЕННОЙ И

ДЕСЯТЬ НУМЕРОВАНЫХЪ

Tallinna Eesti Kirj.-Üh. trükikoda, Pikk tän. 2.

КОЛЬЦО
РЕВЕЛЬ